

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)
С65

Перевод с английского

Сорос, Джордж.

С65

«Фонд» для России. Что было, что будет : [перевод с английского] / Джордж Сорос. — Москва : Алгоритм, 2015. — 224 с. — (Опасное знание).

ISBN 978-5-906798-99-2

Деятельность Джорджа Сороса, американского финансиста, одного из богатейших людей планеты, вызывает неоднозначную оценку в разных странах и различных кругах общества. Он сыграл важную роль в падении коммунистических режимов в Восточной Европе в ходе «бархатных» революций 1989 года; в России в 1990-е годы Сорос во многом определял ход реформ. Влияние Сороса в мире очень велико и теперь.

В книге, представленной вашему вниманию, Джордж Сорос пишет о кризисе, который переживает Россия. Сорос утверждает, что санкции против России в совокупности с падением цен на нефть нанесли громадный ущерб российской экономике, но это еще не предел. «Будет неудивительно, если этот кризис приведет к дефолту в России», – предрекает он.

Комментарии дает В.Ю. Катасонов, профессор МГИМО, доктор экономических наук, известный писатель и публицист.

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-906798-99-2

© Сорос Дж. (Soros G.), 2015
© Перевод с английского
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

ОПАСНОЕ ЗНАНИЕ

Джордж Сорос
«ФОНД» ДЛЯ РОССИИ
Что было, что будет

Редактор *Н.В. Мезина*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 01.09.2015.
Формат 84х108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906798-99-2



ПРЕДИСЛОВИЕ

Образец спекулянта и пророк «посткапитализма», финансист и философ, Джордж Сорос одновременно вызывает ужас и восторг. Он владеет состоянием в 7 миллиардов долларов, ответствен за фондовые кризисы и занимается меценатством в пяти десятках стран. Одновременно он участвует в многочисленных сменах режимов, при этом его обвиняют, что он действует в качестве ширмы для ЦРУ.

Тьерри Мейсан

Джордж Сорос родился в Будапеште 12 августа 1930 году в еврейской семье, отец Джорджа был адвокатом. Во время Второй мировой войны благодаря фальшивым документам, изготовленным отцом, семья Сороса избежала преследования нацистами, а в 1947 году эмигрировала в Англию.

Одни из первых работ будущего миллиардера были: продавец, помощник менеджера, коммивояжер. В 1953 году Джорджу наконец улыбнулась удача: он стал директором инвестиционной компании Singer & Friedlander. Фирма торговала акциями золотодобывающих компаний.

В 1956 году Сорос приехал в США по приглашению отца его лондонского друга, некоего Майера, который имел свою небольшую брокерскую фирму на Уолл-стрит. Карьера в США началась с международного арбитража, то есть покупки ценных бумаг в одной стране и продажи их в другой. В 1966 году Сорос создал инвестиционный фонд с капиталом в 100 тысяч долларов. Получив значи-

тельную прибыль за три года работы, в 1969 году Сорос становится руководителем и совладельцем фонда «Дабл Игл», переросшим впоследствии в знаменитый «Квантум» (Quantum Fund).

Самая известная финансовая операция Дж. Сороса была проведена в 1992 году против британского фунта стерлингов. Для Англии эта операция закончилась потерей свыше одного миллиарда долларов, девальвацией фунта. Европа же отделалась девальвацией дюжины европейских валют и отсрочкой введения единой евровалюты, которое отложили... на 5 лет.

Многие экономисты считают, что к кризису 1995 года в Мексике тоже приложил свою руку Дж. Сорос, может и не в качестве главного игрока, а только вдохновителя и организатора.

В 1996 году очень удачная валютная операция была проведена с японской иеной. Сорос воспользовался фундаментальными противоречиями японской экономики: с середины 1995 года иена начала стремительно расти по отношению к доллару — с 128-и до 78-и иен за доллар к лету 1996 года. Сорос предугадал скорую девальвацию валюты и получил громадную выгоду (он покупал на доллар 110—120 иен, а выкупал доллары уже за 80—90 иен, в результате сорвал солидный куш: 20% дохода с суммы в 15—20 миллиардов долларов).

В августе 1998 г. после публикации в газете «Файнэншл таймс» статьи Сороса о необходимости девальвации рубля, — российский рынок отреагировал почти мгновенно, в России случился дефолт.

В декабре 1999 года «Квантум» сыграл на повышение индекса NASDAQ, и к февралю 2000 года активы фонда выросли с 6 до 10,5 миллиардов долларов.

В одном из своих интервью, в мае 2003 года, Сорос признался, что начал играть против доллара, заодно пред-

сказав, что к концу года курс американской валюты по отношению к евро падет до отметки 1,25. В самом конце декабря курс EUR/USD действительно достиг этого уровня.

Фонд «Квантум», возглавляемый Джорджем Соросом, принес самую большую прибыль за всю историю существования хедж-фондов. С момента основания фонда в 1973 году вкладчики «Квантум» получили в общей сложности 32 миллиарда долларов (по 900 миллионов долларов в год).

Сегодня Джордж Сорос известен не только как финансист, но и как филантроп. Созданный им фонд Open Society Fund стал началом его благотворительной карьеры. На сегодняшний день, более чем в 25-и странах успешно работают финансируемые им благотворительные организации. В научных кругах Сорос известен также как социальный мыслитель, автор ряда книг и статей, для которого основополагающей ценностью и центральной идеей является становление открытого общества в посткоммунистическом мире.

Сорос по-прежнему очень внимательно следит за мировой экономикой и вносит свои предложения по ее усовершенствованию. Однако эта работа явно противоречит его практике — разорению компаний и экономик целых стран. В 1997 году в период азиатского финансового кризиса тайские националисты окрестили Сороса «экономическим военным преступником».

КРАХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

«Фонд открытого общества» и крах коммунизма

*(из книги Дж. Сороса «Советская система:
к открытому обществу»)*

В настоящий момент человечество переживает решающий, поворотный момент в своей истории. Политическая карта мира, сложившаяся после Второй мировой войны, радикально перекраивается. Процесс, который набирал обороты на протяжении десятилетий, ускорился настолько, что его можно назвать революцией. События разворачиваются так быстро, что за ними трудно уследить.

Уничтожение старой (советской) системы — вопрос более или менее решенный. Сейчас решается, какой быть новой. Удастся ли заменить старые структуры новыми, чтобы различные национальности могли жить в мире — как добрые соседи вместе, на одной земле? Или, может, распад будет продолжаться до тех пор, пока не выльется в гражданскую войну?

К сожалению, если процесс пойдет по линии наименьшего сопротивления, последнее весьма вероятно.

Чтобы создать новую систему, необходимы время и силы, а и того, и другого мало. Я твердо убежден, что только *deus ex machina* в виде помощи с Запада может сместить чашу весов в сторону конструктивного решения. Этим убеждением я руководствовался в своих действиях.

Степень моего участия в историческом процессе, о котором я здесь говорю, увеличивалась по мере его нарастания. Я начал с робких попыток проковырять небольшие трещины в монолитной структуре коммунистической системы, исходя из убеждения, что для косной структуры даже маленькая трещина может иметь значительные последствия. По мере того как трещины углублялись и расползались по монолиту, я увеличивал усилия, пока эта работа не стала занимать большую часть моего времени и сил...

* * *

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, я должен вкратце информировать о своей деятельности. Я не могу гарантировать историческую точность всех деталей, особенно дат, потому что намеренно не вел никаких записей, сознательно письменно не фиксировал события. Меня больше интересовало то, что я делал, чем созерцание того, как я это делаю. Я почувствовал здесь ловушку для себя и постарался ее избежать. Может быть, поэтому у меня ужасная память. Такое впечатление, что я обучил себя смотреть вперед, а не назад.

Я начал заниматься благотворительностью, когда был преуспевающим менеджером одного международного инвестиционного фонда и зарабатывал денег больше, чем мог потратить. И я начал думать, что мне с этими деньгами делать. Идея основать фонд мне нравилась, потому что мне всегда казалось, что обязательно нужно делать что-нибудь для других людей, если позволяют средства. Я был убежденным эгоистом, но считал, что преследование только собственных узких интересов — слишком мелко для моего довольно раздутого «я». По правде сказать, меня с детства достаточно сильно одолевали какие-то мессианские фан-

тазии. Я всегда понимал, что должен не давать им особенно овладевать собой, чтобы не оказаться в психушке. Но когда я уже твердо встал на ноги, мне захотелось в меру своих финансовых возможностей позволить себе удовольствие осуществить некоторые из этих фантазий.

С самого начала мне пришлось столкнуться с некоторыми трудностями. Еще когда я пытался выбрать какое-нибудь благородное дело, на которое стоило бы потратить деньги, то вдруг обнаружил, что не принадлежу ни к какой общине. Американцем я так и не стал, из Венгрии давно уехал, а еврейское мое происхождение было для меня просто еврейским происхождением, не выражаясь в той верности роду, которая побуждала бы меня помогать Израилю. Напротив, я гордился тем, что принадлежу к национальному меньшинству, что являюсь аутсайдером, который способен встать и на другую точку зрения.

Способность критически мыслить и не быть зашоренным — была единственной положительной стороной в моем опасном и унижительном положении венгерского еврея во время второй мировой войны. Я понял, что всей душой поддерживаю концепцию открытого общества, в котором такие люди, как я, могут жить свободно, не подвергаясь оскорблениям и безжалостным гонениям. Поэтому свой фонд я назвал Фондом открытого общества. У него следующие цели: поддерживать жизнеспособность и стабильность открытых обществ и помогать открывать закрытые общества.

Я был довольно скептически настроен относительно благотворительной деятельности. Время, когда я был нищим студентом в Лондоне, не прошло для меня бесследно. Я обратился тогда к Еврейскому совету попечителей с просьбой о денежной помощи, но они мне отказали, объяснив, что помогают только тем, кто осваивает какое-нибудь

ремесло, а студенты к этой категории не относятся. Однажды на Рождество я подрабатывал носильщиком на вокзале и сломал ногу. Я решил, что это тот самый случай, когда можно вытянуть деньги из этих типов. Я сказал им, будто работал нелегально, когда сломал ногу, а поэтому не имею права воспользоваться «государственным вспомоществованием». В этом случае у них не было оснований отказать мне, но уж помучиться они меня заставили. Мне пришлось каждую неделю подниматься на третий этаж на костылях, чтобы получить эти деньги. Через некоторое время они отказались мне выплачивать пособие. Я послал председателю совета попечителей душераздирающее письмо, в котором написал, что, конечно, с голоду не умру, но мне обидно, что евреи так относятся к своему собрату, попавшему в беду. Председатель обещал, что мне будут посылать еженедельное пособие по почте и мне не надо будет ходить за ним. Я милостиво согласился, и даже когда с ноги сняли гипс, и я успел смотаться автостопом на юг Франции, я все не спешил отказываться от денег совета.

* * *

Я много вынес из этого эпизода моей жизни, и, когда основал собственный фонд, этот опыт сослужил мне хорошую службу. Я понял тогда, что задача заявителя — выудить деньги из фонда, а задача фонда — этих денег ему не дать. Еврейский совет попечителей провел всестороннее и тщательное расследование относительно меня, но проморгал тот факт, что я получал также деньги от Управления по оказанию государственного вспомоществования. Именно это позволило мне принять такой тон морального негодования в моем письме к председателю, хотя на самом деле я ведь лгал. Я также обнаружил, что благотворитель-

ность, как и все остальные человеческие предприятия, может иметь непредвиденные и нежелательные последствия. Парадокс, связанный с благотворительностью, заключается в том, что она превращает получателей, вроде моего друга, в объекты благотворительности. Этого можно избежать двумя путями. Один — это предельно бюрократизироваться, как Фонд Форда, а другой — вообще не давать о себе знать: раздавать гранты, не заявляя о своем существовании, не объявляя никаких конкурсов, — оставаться анонимом. Я выбрал второй путь.

Свою благотворительную деятельность я начал в Южной Африке, в Кейптаунском университете, который я выбрал как организацию, приверженную идее открытого общества. Я учредил стипендии для студентов-черных, причем достаточно много, так что это было ощутимо для университета. Однако этот проект не оправдал моих ожиданий, потому что администрация университета оказалась не такой радикальной, как она заявляла, и мои деньги большей частью пошли на помощь уже принятым в университет студентам и лишь частично для привлечения новых студентов. Но, по крайней мере, вреда это не принесло.

В то время я занимался также проблемой прав человека в качестве члена и спонсора групп наблюдения за соблюдением соглашения в Хельсинки. Мой только что созданный Фонд открытого общества предложил ряд стипендий в Соединенных Штатах инакомыслящим интеллектуалам из Восточной Европы, и именно эта программа натолкнула меня на мысль организовать фонд в Венгрии. Очень скоро мы столкнулись с проблемой отбора кандидатов. Мы вынуждены были основываться на устных рекомендациях, что, конечно, не самый справедливый путь. И тогда я решил попробовать создать отборочную комиссию в Венгрии и учредить открытый конкурс. Я обратился

к послу Венгрии в Вашингтоне, который связался со своим правительством, и, к моему величайшему удивлению, мне было дано разрешение.

Когда я поехал в Венгрию вести переговоры, в моем распоряжении было «секретное оружие»: стипендиаты Фонда открытого общества горели желанием помогать. Со стороны правительства моим партнером на переговорах был Ференц Барта, который занимался внешнеэкономическими отношениями. Он относился ко мне как к бизнесмену-эмигранту, которому он очень хотел оказать услугу. Он свел меня с руководством Академии наук Венгрии, и вскоре мы заключили соглашение между академией и только что созданным Фондом Сороса в Нью-Йорке (мы решили, что название «Фонд открытого общества» может вызвать нежелательную реакцию). Был учрежден совместный комитет с двумя сопредседателями: одним из них стал представитель академии, другим — я. В комитет вошли независимо мыслящие венгерские интеллектуалы, чьи кандидатуры были одобрены обеими сторонами. Обе стороны получили право налагать вето на любое решение комитета. Также предполагалось создать независимый секретариат, который должен был функционировать под эгидой академии.

Мне очень повезло с помощниками. Я сделал своим личным представителем Миклоша Васарелия, который был пресс-секретарем в правительстве Имре Надя в 1956 году и который был осужден вместе с ним. Он тогда работал научным сотрудником в одном академическом институте и хотя официально войти в комитет он не мог, ему разрешили быть моим личным представителем. Это был один из старейших политических деятелей неофициальной оппозиции, но в то же время он пользовался уважением аппарата. У меня также был очень хороший юрист, Лай-

ош Дорнбач, безраздельно преданный нашему делу, как и ряд других людей, которые понимали назначение фонда даже лучше, чем я...

Не мне оценивать социальную и политическую важность фонда. Я могу представить только субъективное суждение. Наш успех превзошел мои самые смелые мечты. Получилась действенная, без сбоев работающая организация, полная энергии и решительности. По окончании организационного периода мне не приходилось тратить на нее много времени; она работала сама по себе. Было очень приятно принимать решения, зная, что они будут выполнены. Еще большим удовольствием было случайно узнавать о каких-то хороших делах, которые фонд делает без моего ведома. Однажды, по дороге из Будапешта в Москву, я разговорился с цыганом, который сидел рядом со мной в самолете. Я был поражен его необычайной образованностью. Он оказался этнографом, собирающим цыганские народные танцы. Когда он узнал мое имя, то сообщил мне, что эту поездку финансирует фонд. А в аэропорту в Москве я встретил что-то около 18-и венгерских экономистов, которые ехали в Китай на стажировку, также финансируемую фондом. И все это в один день.

* * *

Вдохновленный успехом венгерского фонда, я решил посмотреть, не созрел ли Китай для подобного фонда. Я встретился с Лиань Хенгом, автором «Сына революции», весной 1986 года, как раз перед его поездкой в Китай. Он установил хорошие контакты с реформаторами, и в результате восемнадцать китайских экономистов получили приглашение от венгерского фонда посетить Венгрию и Югославию с целью изучения хода реформы в этих стра-

нах. Визит был очень удачным, потому что контакты проходили не по официальным каналам, и китайские экономисты получили очень хорошее представление о том, что на самом деле происходит. Я встречался с ними в Венгрии и обсудил концепцию фонда с Чен Идзи, главой Института экономической реформы. Потом я поехал в Китай с Лиань Хешом, которого попросил быть моим личным представителем, и организовал фонд по венгерской модели. Институт Чен Идзи стал моим партнером. Бао Дун, главный помощник Чжао Цзыяна, помог быстро справиться с бюрократической волокитой, и фонд был сразу же утвержден.

И он, и фонд в результате имели много неприятностей, потому что политические противники Бао Дуна попытались использовать фонд в качестве предлога для нападок на него. Они подготовили подробное досье, в котором утверждалось, будто Сорос является агентом ЦРУ и антикоммунистическим заговорщиком. Бао Дун контратаковал и представил подробнейший материал о других моих фондах в доказательство моих честных намерений. Это было не очень сложно, потому что я никогда не делал тайны из моих намерений. Однако некий высший партийный совет в Пекине решил ликвидировать фонд и возместить деньги. Понадобилось личное вмешательство Чжао Цзыяна, чтобы отменить это решение. Он устроил так, что Чен Идзи ушел с поста сопредседателя, а вместо Института экономической реформы нашим партнером стал Международный центр по культурным обменов, чей председатель оказался одним из высокопоставленных чиновников службы госбезопасности...

После событий на площади Тяньаньмэнь, фонд использовался в качестве одного из главных обвинений против Чжао Цзыяна и Бао Дуна. Против Чжао, как мне известно, было три обвинения. Одно было в «буржуазном уклониз-

ме», потому что он слишком потакал студентам, другое обвинение было в выдаче государственных секретов, так как он якобы сказал Горбачеву, что Дэн Сяопин все еще держит в своих руках большую власть, и, наконец, последнее обвинение — в государственной измене, потому что он позволил работать фонду. Государственная измена всегда влечет за собой смертную казнь. Когда я услышал об этом от Чен Идзи, которому удалось бежать, я написал Дэн Сяопину письмо, предлагая защитить свое имя, приехав в Китай и представив им любую информацию, которая им может понадобиться. Мое письмо было опубликовано в «Бюллетене партийных документов», у которого очень большой тираж, что свидетельствует о том, что обвинение было снято. Однако все это было весьма неприятно.

Теперь уже, оглядываясь назад, я понимаю, что сделал ошибку, открыв фонд в Китае. Китай не был готов к нему, потому что там не было независимой или инакомыслящей интеллигенции. Люди, на которых я строил фонд, были членами одной из партийных фракций. Они не могли быть совсем уж открыты и честны со мной, потому что их основным долгом был долг перед своей фракцией. Фонд не мог стать организацией гражданского общества, потому что гражданского общества фактически не существовало. Было бы гораздо лучше дать дотацию непосредственно институту Чен Идзи, который заслуживал поддержки.

* * *

Вскоре после Китая я организовал фонд и в Польше. В рамках Фонда открытого общества очень успешно действовала программа стипендий и стажировок в Оксфорде для Польши под руководством доктора Збигнева Пельчинского, кроме того, я финансировал и некоторые другие

польские программы. Пельчинский, который часто ездил в Польшу, убедил меня открыть фонд и в Польше.

Я думал, что это будет легко: Пельчинский был готов взять на себя переговоры с правительством, а у меня были свои связи с гражданским обществом. Однако все вышло не так. Поляки настаивали на том, чтобы фонд был абсолютно независим от правительства, и я всемерно поддерживал их желание. Фонд был учрежден, но не мог функционировать, он даже не мог найти здание под офис. Члены комитета заседали-заседали, но практически не продвинулись. Также среди членов правления не было согласия относительно сферы деятельности и фонда. Некоторые члены правления стремились заниматься только академической деятельностью, другие хотели более широкого диапазона задач. Без четко очерченной сферы деятельности и обозначенных приоритетов фонду не удалось стать инструментом гражданского общества.

Я знал об этой проблеме, но у меня не было времени и сил, чтобы ею заниматься. Когда «Солидарность» пришла к власти, я попросил правление подать в отставку и отдал фонд в руки другой команды под руководством Збигнева Буяка, в прошлом руководителя «Солидарности» и в Варшаве, при котором, я надеюсь, фонд наконец обретет свое лицо.

Я лишь время от времени, на день или на два, приезжал в Варшаву. Однако я почти сразу установил тесный личный контакт с главным советником Валенсы Брониславом Геремеком. Меня также принимал генерал Ярузельский и дал моему фонду свое благословение. У нас была очень интересная беседа. Я спросил, почему бы ему не сесть за стол переговоров с «Солидарностью». Он сказал, что готов вести переговоры практически с кем угодно и пытался наладить диалог через церковь. Однако лидеры